

УДК 82

**СТРУКТУРА «НЕПОДОБНОГО ОБРАЗА»
И ТРАДИЦИЯ НОВОЗАВЕТНОЙ ПРИТЧИ В «ПОВЕСТИ РИТОРИЧЕСКОЙ
О СРЕТЕ В МОСКВЕ СЛОНА ПЕРСИДСКАГО» АНДРЕЯ ДЕНИСОВА**

© 2013 г.

Т.Б. Рудомазина

Тульский госуниверситет

tatiana_rudomazina@mail.ru

Поступила в редакцию 10.11.2012

Рассматривается сочинение Андрея Денисова как близкое к жанру новозаветной притчи, жанровой доминантой которого является «неподобный образ». Применяя к тексту Андрея Денисова концепцию апофатического богословия Дионисия Ареопагита, автор проводит тщательный поэтологический анализ образной структуры повести и делает вывод о социально-литературном назначении послания писателя, принадлежащего к выговскому старообрядчеству.

Ключевые слова: притча, неподобный образ, апофатическое богословие, послание.

Предметом нашего исследования стала «Повесть риторическая о сретении в Москве слона персидского». Послание Андреево с Москвы в общецерковное дело, написанное основателем Выговского старообрядческого общецерковного Андрея Денисовым. Комплексный анализ культурного и литературного наследия Выговской школы исследован, в частности, Е.М. Юхименко [1]. Цель нашего исследования – проследить, как в указанном послании проявляется традиция новозаветной притчи. Для этого нам необходимо проанализировать структуру «неподобного образа», являющегося жанровой доминантой новозаветной притчи.

Композиционно повесть Андрея Денисова соблюдает каноны торжественного слова, напоминающие, в частности, проповеди Кирилла Туровского: «Каждое слово делится на три более или менее самостоятельные части: вступление, часть центральную — изложение, заключение» [2, с. 135]. Как и в словах Кирилла, центральная часть повести Андрея Денисова носит повествовательный характер. Однако в центральной части своих проповедей Кирилл излагает христианский библейский сюжет, сюжетно и риторически амплифицирует его, превращает в мистерию. Достигая учительной цели, Кирилл применяет библейский сюжет к современной аудитории, перебрасывает «мост от прошедшего к настоящему» [2, с. 138], пытается «слушателей сделать непосредственными свидетелями евангельского события» [2, с. 138]. Андрей Денисов же повествует своей братии о языческом, соблазнительном происшествии. Он рассказывает о том, как Москву посетил персидский по-

сол и москвичи могли увидеть слона, воспринятого ими как настоящее чудо. Это происшествие Андрей Денисов, ставя дидактические задачи, применяет к своей аудитории.

Основное содержание текста составляют, во-первых, изображение любопытной толпы и, во-вторых, описание слона. Интерес москвичей повествователь объясняет «чуждостью» животного московской среде: «и увидя чудо не во океанском, но в Московском народном море» [3, с. 171]. Московский народ соблазнен, он забыл обо всем в ожидании зрелища, недостойного христианина. Образ толпы создается символическим сравнением ее с потопом: «слободы пролияшася», «переулки протекоша», «налияся людьми путь» и т.п. Даже дождь не остановил потоп из людей, соблазненных языческим зрелищем: «и ниже дождь бывый того дня, ниже продолжившееся до вечера время возможе домам люд отелати, но всем, яко некое диво ожидающим зрети слона» [3, с. 170]. Описание соблазненной толпы пространное и тщательное: заморское животное привлекло мужей, старцев «с юнотами», женщин с детьми на руках: «безчисленно» народу «всюду и везде», люди заполняют собой все земное пространство («лавки и дворы утеснишася и кровы их от многолюдства востужиша, на тынех, на стенах, на углах (и аще бы мощно внести на воздухе)» [3, с. 170]). Напомним, что Ноев ковчег среди потопа – традиционный символ Церкви среди мирских невзгод (сует, соблазнов, язычества). Андрей Денисов же создает инвертированную картину: москвичи-христиане – сами потоп, а среди него – не ковчег церкви, а слон.

Столь же подробно описание процессии, встречающей заморского посла: «Бывшу же полдню, выехала с Москвы конных в строю полка с два, храбро же и мужески, шпаги на голе имеющие. Таже потом сановники златоодеянии московстии на украшенных конех, их же колестницы златосияющия, каяждо спряжены имея по шести аргамаков златообкованных и среброуздных. Пред колесницами же и по них и окрестных колесница красноучрежденная от ведикоможных домов, по них же одеждах кипяше злато и сребро, оружие их сияше кони их во украшении гордо топчашеся, диво зрящим показующе» [3, с. 170]. Этот фрагмент интересен обилием лексем со значениями «золото», «серебро» и «сверкать». Встречая иноземного гостя, московский народ украшает себя, согласно светскому обычаю, и демонстрирует земное богатство, зримое и осязаемое, противопоставленное в тексте богатству «невидимому»: «Блаженны чистые сердцем... ибо они Бога узрят» [3, с. 172] (Мф. 5:8).

Следующим фрагментом повести, характеризующимся тщательным описанием, становится изображение «чуда», ради которого собираются московские люди. Слона Денисов описывает снизу вверх: «имея ноzi длиною с человека толсты яко бревно, толстотелесен, недолог по высоте, безшерстен, великоглав, черновиден, горбоспинен, задопкляп, ступанием медведо-подобен, от верхния губы имея (нарещи) нос или губа или хобот, яко рукав платна висящ до земли, им же яко рукою брашно и питье примет, и согнув в уста своя отдает. От верхних зубов два зуба велики вне торчат сюду и сюду, уши имея велики, яко заслоны печныя, рожки малы, подобны агнчим, хвост подобен волвьему» [3, с. 171]. Слон характеризуется длинным рядом определений и сравнений, нужных повествователю, чтоб братия получила возможность представить себе то, чего никогда не видела: «хобот, яко рукав платна висящ до земли», «уши имея велики, яко заслоны печныя, рожки малы, подобны агнчим, хвост подобен волвьему» (сравним с Кириллом Туровским, дополняющим библейский сюжет многочисленными деталями, систематически употребляющим глаголы в настоящем времени и слова «днесь», «ныне» и тем самым превращающим слушателей в свидетелей библейского происшествия).

Очевидна градация в расположении Денисовым «плотских» объектов: толпа (мы узнаем, из кого она состоит), одеяние процессии (мы узнаем, чем она украшена) и слон (мы узнаем, каков он есть). И всё это проповедник противопостав-

ляет тому чуду, которое единственное достойно внимания, – Богу, Божьей благодати. Чуда этого он не описывает, не дает ему определений. Чудо Божьей благодати бестелесно и бесконечно и, по традициям апофатического богословия, не может быть определено словесно.

В литературно-богословском отношении Андрей Денисов руководствуется сочинениями Дионисия Ареопагита: описываемая в риторической повести ситуация выступает как неподобный Богу образ. Основу неподобного образа составляет принцип несоответствия «вещественного» изображения его «невещественному» прообразу. Задача использования неподобных образов заключается в том, чтобы наглядно представить высокие состояния духовной жизни, невыразимые через принцип подобия. К неподобным образам прибегают с целью не позволить «нашей приземленности успокаиваться» [4, с. 59], побудить «к действию то возвышающее, что есть в душе, чтобы даже чрезмерно приземленным людям показалось недопустимым и невероятным, чтобы сверхнебесные божественные видения воистину были схожи со столь низки» [4, с. 59]. К неподобным образам проповедник прибегает, чтоб показать пастве, что священные прототипы «надмирно пребывают за пределами всего вещественного» [4, с. 57].

Сочинение Андрея Денисова возрождает традиционный характер сравнений из новозаветных притч Иисуса о Царстве Божием, когда Царство Божие уподобляется хозяину дома, нанимающему работников в свой виноградник (Мф. 20:1–16), царю из притчи о брачном пире (Мф. 22:1–14) и пр. Притчи Иисуса формируются вокруг центрального эпизода, в котором сопоставляются события рассказа с Царством Божьим, каким Иисус представляет его слушателям. В основе Его притч лежит событие из человеческой или природной жизни, которую, как показывает Лопухин, Христос превосходно знал. По притчам Христа мы можем составить «характеристику тогдашнего времени, жизни, нравов и обычаев» [5, с. 244]. И, «излагая действительные события», Христос «применял их к нравственной области...» [5, с. 244]. Действительное событие, характеризующее, по мысли Андрея Денисова, его эпоху, лежит и в основе повести Андрея Денисова. И это действительное событие он, управляющий своей общиной, применяет к «нравственной области».

Заключительная часть проповеди Андрея Денисова представляет собой анафорически организованную тираду, в которой он противопоставляет московский люд братии, что подчеркивается синтаксическим параллелизмом:

1) «Аще бо толико усердие показаша народи видети безсловеснаго зверя: не пачели възъусердствуем мы, в торжества и праздники, и присно, ни видение Бога и святых его в молитвах и слышании свящ. писания дни препровождаяще, теми, очистившеся, невидимаго зрители будем...», 2) «И аще толь честно подобно и чинно украшено, на славу царствия иноцарственного посла приемлюще чиновначальницы с воинствующими: не паче ли в духовных делах, в молитвах и торжествах духовнии начальницы, и причетники, долженствуем благоуукрашати и благоговествовати на умоление и приятие самого царствующаго царя...», 3) «И аще толь велиий зверь малому при нем всаднику повинуется, и водится от малосильнаго многомоощное безсловесное диво; сице покорившему всяческая под нозе человека создателю повинуется: кольми паче мы, словесная Божия тварь, Создателя своего повеления долженствуем забывать...» [З, с. 172] и т.п. В первом фрагменте тирады Андрей Денисов противопоставляет видимое невидимому и бессловесное словесному, утверждая связь между человеческим даром слова и сердечными глазами, способными лицезреть Бога. Во втором фрагменте противопоставляются бранные украшения заморской процессии «благоукрашениям» в молитвах праведных христиан. В третьем – противопоставляется управляющий слонотворителем, управляющему человеку.

вечеством. В приведенной тираде Андрей Денисов эксплицирует свой дидактический замысел: московским происшествием учить братию почитать Бога («Аще кто о звери чудится, мы долженствуем и сия въ потшарие добродетелей и пользу свою повесть восприяти»).

Таким образом, в социальном отношении в своем сочинении Андрей Денисов демонстрирует метод восприятия светским государством светской, соблазнительной действительности, достигая этим своих целей – христианского наставления.

Список литературы

1. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. Т. 1–2. М.: Языки славянской культуры, 2002.
2. Еремин И.П. Ораторское искусство Кирилла Туровского // И.П. Еремин. Литература Древней Руси. М.–Л., 1966.
3. Денисов А. Повесть риторическая о сретении в Москве слона персидскаго. Послание Андреево с Москвы в обществу / Сообщ. Н.И. Барсов // Русская старина, 1880. Т. 29. № 9. С. 169–172.
4. Дионисий Ареопagit. «От небесной иерархии» // Дионисий Ареопagit. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб., 2002.
5. Лопухин А.П. Толковая Библия или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Т. 8. Петербург, 1911.

THE STRUCTURE OF A DISSIMILAR IMAGE AND THE TRADITION OF THE NEW TESTAMENT PARABLE IN «THE RHETORICAL TALE ABOUT THE MEETING OF A PERSIAN ELEPHANT IN MOSCOW» BY ANDREY DENISOV

T.B. Rudomazina

We consider Andrey Denisov's work whose genre is close to that of the New Testament parable, its genre key-note being a 'dissimilar image'. Applying the concept of apophatic theology to Andrey Denisov's text, the author presents a detailed poetic analysis of the structure of the tale's imagery and comes to the conclusions concerning the social and literary purpose of the message of this writer who belonged to the Vygov Old Believer community.

Keywords: parable, dissimilar image, apophatic theology, message.